

УДК 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-2-53-63

ТЕМА «ЛИХИХ ДЕВЯНОСТЫХ» В ДИСКУРСАХ
РОССИЙСКИХ КОММУНИСТОВ И НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТОВ

Ольга Малинова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Аннотация

Статья анализирует, каким образом тема «девяностых» представлена в дискурсе политических сил, которые выступали противниками Б. Н. Ельцина и «демократов» / «либералов» – коммунистов, национал-популистов и национал-патриотов. Целью исследования является: 1) выяснить, каким образом события конца XX в. вписываются в исторические нарративы, которыми данные группы подкрепляют собственные политические идентичности и притязания на электоральную поддержку; 2) выявить особенности логических конструкций, в которых память о недавнем прошлом используется в качестве политического аргумента. Материалами для анализа послужили публикации лидеров КПРФ, ЛДПР, а также политиков, имеющих репутацию национал-патриотов, в центральных СМИ в 2000–2019 гг. Основным методом исследования – качественный контент-анализ. Исследование показало, что все рассматриваемые дискурсы разделяют негативную оценку событий 1990-х гг., однако по-разному вписывают их в свои исторические нарративы. Для коммунистов «девяностые» – это история о трагических последствиях утраченного «золотого века» (советского периода). Для национал-популистов – это фон для конструирования собственной идентичности защитников русского народа, интересами которого пренебрегали советские и постсоветские элиты. Для национал-патриотов это политический вызов, требующий ответа. Образ «лихих девяностых» играет важную роль в формировании водоразделов в современной российской политике, позволяя столь разным политическим силам конструировать общих врагов – «либералов», «олигархов» и «Запад». Исследование выявило различия в преобладающих модусах использования недавнего прошлого в дискурсах власти и оппозиции: коммунисты, национал-популисты и национал-патриоты не поддерживают противопоставление «лихих девяностых» «стабильным нулевым», характерное для риторики В. В. Путина.

Ключевые слова: политическое использование прошлого; фреймирование коллективной памяти; политический дискурс; лихие девяностые; анализ исторических нарративов; коммунисты; национал-популисты; национал-патриоты.

Настоящая статья является частью исследования, посвященного формированию смысловых рамок коллективной памяти о начальном этапе постсоветского транзита в российском политическом дискурсе 2000–2010-х гг. (Малинова 2018, 2019). Ельцинские «девяностые» часто противопоставляются путинским «нулевым». «Девяностые» ассоциируются с тяготами реформ, «ослаблением государства», криминальным «беспределом», неконтролируемой децентрализацией власти и утратой былого влияния на мировую политику, а «нулевые» – с экономической стабилизацией, «наведением порядка», «укреплением вертикали» исполнительной власти, возвращением «сильного государства» и ростом международного авторитета России. Таким образом, недавнее прошлое воображается по принципу оппозиции, полюса которой наделяются противоположными ценностными характеристиками.

Как свидетельствуют социологи, подобный редукционизм свойственен и массовому сознанию. Недавнее исследование восприятия россиянами новейших периодов отечественной истории, проведенное Институтом социологии РАН, выявило две взаимосвязанные тенденции: большинство респондентов склонны гиперболизировать, с одной стороны, недостатки времен правления Ельцина, а с другой – достижения советских (брежневских) времен (Латов, 2018: 124). Однако более ранние исследования левадовского ВЦИОМа показывают, что квалификация 1990-х как «тяжелого десятилетия» складывалась ретроспективно. Опросы, проводившиеся непосредственно в тот период, зафиксировали больший разброс позитивных и негативных оценок происходивших перемен по сравнению с данными, полученными в середине 2000-х гг. (Левинсон, 2007: 492–496). С учетом этого интересно изучить, как формировалась оппозиция «нулевых» и «девяностых».

Такая постановка вопроса опирается на теории коллективной памяти и культурной травмы. Первая теория предлагает рассматривать представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи (Halbwachs, 1992; Irwin-Zarecka, 1994; Wertsch, 2002; Olick, 2007 и др.). При таком подходе, следует предположить, что оппозиция «лихих девяностых» и «стабильных нулевых» отражает не только объективные различия двух политических эпох, но и то, как эти различия оказались осмыслены в преобладающих дискурсах. Вторая теория утверждает, что так называемые коллективные травмы являются культурным феноменом, опираются на «социально опосредованное атрибутирование» пережитого индивидами опыта. Механизм культурной травмы связывается с появлением новых господствующих нарративов (master narrative), конструирование которых представляет собой «сложный и многозначный символический процесс, который обусловлен контекстом, сопровождается спорами и иногда ведет к резкой поляризации» (Alexander et al. 2004: 8, 12). Не ставя под сомнение реальность травматического опыта, данный подход побуждает рассматривать память о травме как процесс, в котором значимая роль принадлежит «производству смыслов», как в микро-, так и в макросреде.

О влиянии на восприятие недавнего прошлого ретроспективно сформировавшихся стереотипов свидетельствует и язык. Недавнее исследование конструкций с эпитетами времени в базе данных Национального корпуса русского языка, проведенное А. Бонч-Осмоловской, выявило любопытную тенденцию, связанную с выражением «лихие девяностые». Появившись в 2005 г., эта характеристика недавнего исторического периода быстро распространилась, вытесняя другие эпитеты. По мнению автора исследования, в современном языке конструкция «лихие девяностые» «регламентирует» основной способ отсылки к этому десятилетию, не столько актуализируя «память с помощью семантически нагруженного прилагательного», сколько предлагая «уже готовую языковую модель» (Бонч-Осмоловская, 2018: 131–132).

Все это побуждает к исследованию символической борьбы, продуктом которой стал миф о «лихих девяностых» и «стабильных нулевых». Мое исследование сосредоточено на анализе публичных текстов российских политиков, представляющих различные сегменты идеологического спектра. Разумеется, политики – не единственные акторы, формирующие систему смыслов, сквозь призму которой воспринимается недавнее прошлое. Но, решая задачи политической коммуникации, они играют особую роль в объяснении сложных социально-политических трансформаций, которые большинству граждан сложно интерпретировать, исходя исключительно из собственного жизненного опыта (Edelman, 1972).

На предыдущих этапах предметами моего исследования были дискурсы преемников Б. Н. Ельцина на посту президента, а также политиков, имеющих репутацию либералов. Анализ дискурса В. В. Путина показал, что апелляция к памяти о 1990-х гг. действительно играла важную роль в легитимации его власти и обосновании его политического курса. Поначалу конструирование оппозиции между «прежним» и «нынешним» было не столько результатом целенаправленной политики памяти, сколько следствием необходимости выстраивать собственную политическую идентичность, дистанцируясь от непопулярного предшественника, а также стремления соответствовать настроениям избирателей. Все ключевые идеологемы, которыми Путин описывал свою политику в начале 2000-х гг. – «сильное государство», «стабильность», «диктатура закона», «вертикаль власти», «единство», «порядок» – представлялись в качестве антитезы ельцинскому периоду. В дальнейшем, когда репертуар смыслов, закрепляющий оппозицию «нулевых» и «девяностых», уже вполне сложился, Путин охотно прибегал к нему, оправдывая собственные решения нежеланием повторения того, что было «тогда» (Малинова, 2018).

Исследование дискурса либералов выявило иную логику «работы» с недавним прошлым. Будучи сосредоточены на продолжении экономических реформ, и «правые» либералы, представленные в начале 2000-х гг. Союзом правых сил (СПС), и социал-либералы из «Яблока» были склонны подчеркивать преемственность «девяностых» и «нулевых». Первые делали это, поскольку надеялись сохранить влияние на экономическую политику через присутствие в исполнительной власти и экспертных структурах. Вторые – потому что критически относились к реформам ельцинского периода и считали, что новое правительство лишь усугубляет старые проблемы. И те, и другие были озабочены наступлением на политические свободы, однако, признавая изъяны демократических практик 1990-х, не слишком упирали на контраст. Что же касается защиты «наследия 1990-х» от нападок критиков, то здесь усилия либералов были в большей мере сосредоточены на оправдании их собственных программ реформ, нежели на конструировании общего апологетического нарратива. В силу этого, не-

смотря на преобладание модуса преемственности, их дискурс скорее дополнял, нежели оспаривал образ «тяжелого десятилетия», на который опирается противопоставление «ельцинских девяностых» «путинским нулевым» (Малинова, 2019).

Эта статья посвящена анализу репрезентации «девяностых» в дискурсе политических сил, которые выступали противниками Б. Н. Ельцина и «демократов» / «либералов». В середине 1990-х гг. они называли себя «народно-патриотической оппозицией». Этот термин достаточно емко описывал два идеологических полюса внутри антиельцинского лагеря: коммунисты различного толка – слева, национал-патриоты – справа. Противники использовали для обозначения этой комбинации уничижительный термин «красно-коричневые». В отношении идеологии оба полюса и тогда, и в дальнейшем были неоднородны. Индивиды и группы, составлявшие антиельцинский / антилиберальный лагерь, на разных этапах входили в разные партии, движения, блоки и клубы (см. Андреев 1997: 51–133). Но изменчивость российского политического ландшафта – не единственное обстоятельство, осложняющее идеологическую идентификацию политических сил, составляющих этот лагерь. Проблема и в том, что их дискурсы совмещают идеи, которые, в зависимости от выбранных критериев, могут считаться как правыми, так и левыми, как радикальными, так и консервативными, а свойственный им всем акцент на нации как субъекте политического действия сочетается с разным пониманием задач национального строительства. Большинство представителей этого лагеря можно назвать националистами, но их национализмы – разные. В силу этого сложно найти точные термины как для собирательной характеристики данного политического лагеря, так и для квалификации составляющих его групп. Пожалуй, главное, что их объединяло тогда и продолжает объединять сегодня – это противостояние «наследию девяностых». Несмотря на все политические и идеологические различия, в символической борьбе за память о «девяностых» современные политические силы, генетически связанные с «народно-патриотической оппозицией» режиму Ельцина, выступают единым фронтом. Предметом моего анализа является то, каким образом коммунисты и национал-патриоты вписывают события конца XX в. в исторические нарративы, которыми подкрепляют собственные политические идентичности и притязания на электоральную поддержку.

Методология исследования

Политики апеллируют к прошлому, решая широкий спектр риторических задач: от легитимации / делегитимации существующего порядка и конструирования коллективных идентичностей до оправдания / критики конкретных политических решений. При этом наиболее пригодными для политического использования оказываются те исторические события и фигуры, которые «помнятся», т. е. так или иначе представлены в актуальном общественном дискурсе. Недавнее прошлое является частью этого репертуара не только потому, что память о нем относительно свежа, но и потому, что обсуждение текущих политических проблем связано с оценкой предыдущего этапа. Обращаясь к нему снова и снова, участники политического дискурса формируют набор узнаваемых образов, символов, нарративов, закрепляющих память о тех аспектах недавнего прошлого, которые представляются значимыми в свете настоящего.

Данное исследование нацелено на сравнительный анализ исторических нарративов, конструируемых коммунистами и национал-патриотами, а также на выявление особенностей логических конструкций, в которых недавнее прошлое выступает в качестве политических аргументов.

Нарратив – повествование, описывающее цепь причинно-связанных событий – является одним из основных форматов репрезентации прошлого. Политики часто оперируют свернутыми нарративами, отсылая слушателей и читателей к материалу, известному по другим источникам. Нарративы могут различаться как набором событий, которые служат узловыми точками повествования, так и выстраиваемыми между ними связями. Анализируя исторические нарративы коммунистов и национал-патриотов, я стремилась выявить их основную идею (идеологический метанарратив, очерчивающий общую траекторию из прошлого в настоящее), сюжетную линию (отбор значимых событий и выстраивание связей между ними), главных акторов и приписываемые им роли. Это позволяет выявить общее и различное в том, как события 1990-х гг. вписываются в нарратив о современной России.

Кроме того, предметом изучения были *способы использования* памяти о недавнем прошлом в качестве политического аргумента / модусы его репрезентации. Для их анализа применялась таксономия, основанная на двух критериях: 1) характер связи между прошлым и настоящим (преемственность или противопоставление); 2) оценка прошлого и настоящего (позитивная или негативная). Сопоставление риторических практик власти и оппозиции позволяет лучше понять механизм конструирования мифа о «лихих девяностых».

Материалами для анализа послужили публикации лидеров КПРФ, ЛДПР, а также политиков, имеющих репутацию национал-патриотов, в центральных СМИ. Поиск проводился на базе коллекции «Центральная пресса России» на платформе EastView, включающей полную подборку федеральных ежедневных газет и общественно-политических еженедельников, а также ведущие сетевые издания. Хронологические рамки поиска – 2000–2019 гг. Тексты, содержавшие отсылки к событиям, связанным с распадом СССР и постсоветской трансформацией, были подвергнуты кодированию с учетом описанных выше задач. Кодирование проводилось в программе MAXQDA 2018. Последующая сортировка по выделенным кодам позволила провести сравнительный анализ и выявить общие и различающиеся паттерны.

События конца XX в. в исторических нарративах коммунистов и национал-патриотов

Вынесенные в название статьи термины «коммунисты» и «национал-патриоты» не отражают в полной мере особенности интересующих нас идеологических формаций. Анализ развиваемых ими исторических нарративов позволяет точнее определить общее и различное в позициях политических сил, составляющих лагерь противников наследия «девяностых». Общей кульминационной точкой всех рассматриваемых нарративов является распад СССР, который интерпретируется как трагедия и политический вызов. Различия связаны с пониманием причин трагедии, сути политического вызова и способов ответа на него.

Исторический нарратив **КПРФ** построен по принципу мифа о прошедшем «золотом веке». В качестве такового рассматривается советский период, который представляется «исторической вершиной нашей тысячелетней государственности»¹. Такая постановка вопроса вполне соответствует двойственной идеологии КПРФ, которая, как известно, сочетает традиционный классовый подход с тем, что норвежский исследователь Г. Фликке удачно назвал культурным национализмом – т. е. национализмом, сосредоточенным на истории, ментальности и соперничестве цивилизаций, но не на борьбе нации за политические права (Flikke, 1999: 275; ср. Холмская 1998). Советский Союз представляется идеальным воплощением «Русской идеи» с присущими ей коллективизмом, духовностью и мессианством. В этой логике несчастья и лишения «девяностых» выступают как естественные и неизбежные последствия утраты былого «рая». Главная интрига заключается в объяснении причин краха советского режима. Не случайно в дискурсе КПРФ много внимания уделяется теме перестройки, которая в других нарративах не играет столь значимой роли.

Как показал А. Калашников, в дискурсе коммунистов можно обнаружить разные версии нарратива о советском прошлом, которые, впрочем, не столько противоречат друг другу, сколько помогают «максимизировать привлекательность КПРФ для более широкой аудитории» (Kalashnikov, 2017: 381). Ортодоксальные марксисты-ленинцы не признают за советской системой каких-либо недостатков и утверждают, что она пала вследствие ошибок руководства, утраты единства внутри партии и предательства элит². При этом хрущевская десталинизация рассматривается как начало «повреждения» системы, а горбачевская перестройка – как ее окончательное крушение. Представителей «социал-демократического» крыла внутри КПРФ отличает двойственность в оценке советского режима: они признают не только его достижения, но и недостатки, в полной мере унаследованные современным режимом, и призывают к творческому развитию марксизма для борьбы с «дефектным» капитализмом³. Наконец, представители «националистического» крыла, возглавляемого лидером КПРФ Г.А. Зюгановым, оценивают распад СССР как результат «геополитической диверсии» со стороны «различных претендентов на мировое господство». В этом процессе выделяются три этапа: десталинизация, лишившая партию правильных ориентиров, продолжившаяся «застоем», когда «год за годом мы напрягали промышленный, военный и людской потенциалы страны в погоне за миражами глобального мирового лидерства, совершенно чуждого самому духу российской традиции», горбачевская перестройка и дезинтеграции единого союзного государства в 1990–1991 гг.⁴. Тема предательства интегрирована и в эту версию нарратива: замыслы врага реализовались благодаря антinationальным, чуждым «духу русской традиции» силам в самой партии. Три версии нарратива об утраченном «золотом веке» не противоречат друг другу; в официальных документах КПРФ они нередко смешиваются.

¹ Зюганов, Г. А. (2017а) 'Левый поворот с дороги кризиса', *Советская Россия*, 11 июля. URL: <http://sovross.ru/articles/1572/33920/comments/7> (дата обращения: 06.01.2020).

² Лигачев, Е. К. (2006) 'Еще раз о перестройке', *Советская Россия*, 30 марта, с. 3.

³ Купцов, В. 'Образ КПРФ XXI века', *Диалог*, 1, сс. 13–20.

⁴ Зюганов, Г. А. (2004) 'Строитель державы. К 125-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина', *Правда*, 140, 12 дек., с. 1.

Изменения, происходившие в России в 1990-х гг., в нарративе КПРФ описываются как реставрация капитализма. Она интерпретируется как двойное поражение – крах первого в мире социалистического государства и геополитический проигрыш Западу. По словам Зюганова, «капитал навязал России унижительное и крайне зависимое место в глобальной фабрике...»¹. Главными антигероями в этой части нарратива выступают президент Б. Н. Ельцин, чьи властные амбиции привели к крушению СССР, и либералы, навязавшие России грабительские реформы, развалившие экономику и социальную сферу и фактически «совершившие сдачу Родины ее противникам»². Список «беспрецедентных по своим масштабам ельцинских преступлений» включал реформы, в результате которых население страны было «обречено на нищенское и полунищенское существование», расстрел Верховного Совета России в 1993 г., чеченскую войну, дефолт 1998 г., «порушивший все структуры, даже те рыночные, которые им же создавались» и предательство Югославии в 1999 г.³ Филиппики коммунистов в адрес «преступного режима Ельцина» внесли заметную лепту в формирование образа «лихих девяностых».

Давним оппонентом КПРФ на политической сцене выступает ЛДПР В.В.Жириновского, чей нарратив можно охарактеризовать как *национал-популистский*. ЛДПР не входила в народно-патриотическую коалицию, но также по многим вопросам выступала в качестве оппонента правительства Ельцина. В отличие от коммунистов, Жириновский не считает советский период «золотым веком», причем едва ли не главный его порок усматривает в «идеологии», в силу которой «мы не просто у себя социализм строили, но и навязывали его всему миру»⁴. Виновником всех бед советского и постсоветского периодов национал-популистский нарратив представляет правящие элиты («Главная проблема в том, что у власти оказались малограмотные люди»⁵), а жертвой – русский народ, о котором элиты постоянно забывали, то «спасая другие народы», то строя «непонятную даже для самих себя многонационалию»⁶. По мнению Жириновского, «все то хорошее, что было при СССР, можно и нужно было сохранить для людей. Но тем, кто был у власти, хотелось свои дворцы, свои самолеты, детей отправить за границу, жену одеть в золото и бриллианты»⁷. «Девяностые» в этом нарративе представляются как очередной этап бедствий, причиненных корыстной и некомпетентной элитой русскому народу, в роли единственного защитника которого выступает ЛДПР.

Национал-патриотическая часть российского идеологического спектра не имеет устойчивого партийного представительства. Политические объединения, созданные на этом фланге в 1990-х гг., оказались недолговечными, а партия «Родина», успешно стартовавшая на думских выборах 2003 г. в качестве избирательного блока (Титков, 2006), в 2006 г. была распущена. Восстановленная в 2012 г. «Родина» участвовала в региональных и городских выборах, но не смогла в 2016 г. пройти в Государственную думу по партийным спискам. Однако на этом фланге существует множество непартийных объединений, а в 2012 г. был создан Изборский клуб, который позиционировался в качестве «чего-то вроде штаба патриотических сил современной России»⁸, хотя является скорее дискуссионной площадкой, нежели собственно политической организацией.

Этот идеологический сегмент весьма разнороден. Его представители называют себя то «патриотами», то «государственниками», то «национал-консерваторами», то «националистами». Ни одно из этих определений не отражает все дискурсы, составляющие этот сегмент. Анализ представленных в них исторических нарративов позволяет увидеть и совпадения, и принципиальные разногласия.

Эти нарративы объединяет тема борьбы России за сохранение самобытной идентичности и подобающее место в мире. Идентичность описывается в разных категориях – кто-то говорит о России как об империи⁹, кто-то видит в ней особую цивилизацию¹⁰, кто-то ставит задачу оформления «политической нации... как союза русского этноса и народов, которые стремятся жить в единой Рос-

¹ Зюганов, Г. А. (2011а) 'Двадцать лет после СССР', *Независимая газета*, № 175, 19 авг., с. 5.

² Зюганов, Г. А. (2017б) 'О задачах партии по борьбе с антисоветизмом и русофобией', *Советская Россия*, 28 марта. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1530/31512> (дата обращения: 07.01.2020).

³ Зюганов, Г. А. (2011б) 'Над пропастью во лжи. 20-летие антисоветского переворота в СССР', *Правда*, 19 авг., 90, с. 1.

⁴ Юрьев, В., Жириновский, В. В. (2019) 'СССР можно было спасти', *Аргументы и факты*, 7 авг., 32, с. 16.

⁵ Там же.

⁶ Жириновский, В. В. (2012) 'Куда двигаться России', *Известия*, 3 февр., 19, с. 1.

⁷ Жириновский, В. В. (2018) 'Советского Союза давно нет, а КПСС до сих пор у власти!', *Аргументы и факты*, 9 авг., 31, с. 2.

⁸ По ту сторону «красных» и «белых» (2013) Доклад Изборскому клубу. Опубликован 15 марта. URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/1164/> (дата обращения: 30.12.2019).

⁹ Проханов, А. (2012) '«Сейчас рождается Пятая империя»: интервью газете «Взгляд»', 12 августа. URL: <https://vz.ru/politics/2012/8/23/594683.html> (дата обращения: 08.01.2020).

¹⁰ По ту сторону «красных» и «белых» (2013); Делягин М. (2005) 'Возрождение России', *Наш современник*, 1, сс. 203–211.

сии»¹, кто-то предлагает в качестве каркаса для ее конструирования «общеузразийский национализм»². Хотя эти различия и существенны для определения способов ответа на современные вызовы, данные проекты идентичности имеют нечто общее. Все они учитывают многоэтничность российского общества и избегают прямо декларировать принцип «Россия для русских» (хотя и подчеркивают, что именно русский народ является «государствообразующим»). Все они отвергают ельцинскую модель «россианизма», либо по причине того, что она поддерживает национализмы этнических меньшинств³, либо потому, что она исключает ирредентизм, прочерчивая «окончательные линии разлома... по... случайным и исторически не оправданным границам»⁴. И все они видят главные угрозы русской самобытной идентичности во внешних факторах.

Центральная сюжетная линия национал-патриотических нарративов связана с «борьбой цивилизаций, в которой Россия не переставала участвовать при всех политических режимах»⁵. Эта идея была положена в основу программы примирения «красных» (патриотов советского образца) и «белых» (приверженцев «традиционных», т. е. православных и монархических ценностей), которая была изложена в докладе Изборскому клубу, подготовленному представительным коллективом авторов под руководством В. В. Аверьянова.

По мысли авторов доклада, в конце XX в. Россия потерпела поражение в противостоянии цивилизаций: по вине тогдашних элит мы «капитулировали в качестве самостоятельной цивилизации, “открылись” так называемому глобальному миру»⁶. Хронология этой катастрофы примерно совпадает с этапами, выделяемыми коммунистами, однако интерпретируются они несколько иначе. Хрущевская «оттепель» трактуется как «революция стяжателей», положившая начало пагубному влиянию либерализма и интеграции России в мировую (евроатлантическую) политико-экономическую систему. Перестройка же представляется упущенной возможностью возрождения исторической России («Пятой империи»), сорванной «воспаленными ненавистью ко всему советскому» либерал-демократами⁷. Хотя национал-патриоты солидарны с коммунистами в признании того, что в «красных формах» развивался «русский цивилизационный проект», они не считают благом революцию, создавшую советский режим⁸. Как сформулировала Н. А. Нарочницкая, «я отделяю советский период от истории в целом от самого революционного замысла. Чудовищная суть замысла и есть самый большой урок Октября», ибо революция несет с собой хаос и геополитические утраты⁹.

Неудивительно, что и распад СССР в национал-патриотических дискурсах интерпретируется не столь однозначно. В нем, безусловно, видят трагедию. Но многие национал-патриоты считают ее естественным следствием того, что советский режим перестал соответствовать задачам «русского цивилизационного проекта». По определению А. Дугина, «Русская Мечта более не узнавала себя в советской догматике»¹⁰. Те, кто так думает, сожалеют не о «советской Родине», а об утраченной «державе». Как выразилась Нарочницкая, «в 1991-м я без сожаления расставалась с идеологическим начетничеством: так надоели обкомы. Но держава-то при чем?»¹¹. Однако обвиняя в развале СССР Ельцина, национал-патриоты вынуждены признавать, что в 1990–1991 гг. «русская партия» поддерживала идею суверенной РСФСР¹². По словам В. Аверьянова, «из современников и участников тех событий мало кто может похвастаться прозорливостью своей лично и безупречностью занятой тогда позиции»¹³. Таким образом, в нарративах национал-патриотов распад СССР представляется катастрофой, которая произошла не только из-за происков врагов и некомпетентности элит (эти факторы не сбрасываются со счетов), но и в силу внутреннего несовершенства позднесоветского проекта, его «порчи» вследствие постепенной интеграции в мир «потребительского глобализма»¹⁴.

¹ Холмогоров, Е. (2006а) Русский националист. Москва: Европа, с. 281.

² Дугин, А. (2006) «Национализм: русский или российский?», *Время новостей*, 15 марта, 43, с. 4.

³ Аверьянов, В. (2006) «Яд и мед национализма», *Время новостей*, 125, 18 июля, с. 4.

⁴ Дугин, А. (2006).

⁵ По ту сторону «красных» и «белых» (2013).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Нарочницкая, Н. А. (2008) «Революция – детище интеллигенции», *Молодая гвардия*, 5, с. 210.

¹⁰ Дугин, А. (2019) «Где найти народность?», *Завтра*, 28 авг., 34, с.1. Ср. у Е. Холмогорова: «Советская система не стала “неэффективной” в капиталистической индустриальной логике. Она стала “бессмысленной”, смысл ее существования не просматривался даже самыми верными ее сторонниками» (Холмогоров (2006б) «Смыслотратия», *Завтра*, 9 авг., 32, с. 3).

¹¹ Нарочницкая, Н., Кожемякин, В. (2019) «Наша идеология – вечная Россия», *Молодая гвардия*, 4, с. 119.

¹² Проханов, А., Павловский, Г. (2008) «Этажи веры», *Завтра*, 23 янв., 4, с. 2.

¹³ Аверьянов, В. В. (2011) «ГКЧП, Беловежье и другие сценарии», *Слово*, 17 июня, 23, с. 6.

¹⁴ Холмогоров, Е. (2005) «Корни ностальгии», *Завтра*, 22 апр., 16, с. 5.

В чем представители этого фланга совершенно единодушны с коммунистами, так это в оценке перемен, наступивших в России после распада СССР. Национал-патриоты критикуют экономические реформы 1990-х гг., которые «привели нас от малоэффективной административно-командной системы к еще менее эффективной – просто чудовищно неэффективной системе»¹, создали «экономику присвоения», основанную на потреблении ресурсов². При этом они особенно подчеркивают, что реформы проводились по рецептам американских специалистов и служили целям геополитической диверсии Запада против России³. Национал-патриоты вменяют в вину Ельцину расстрел Белого дома в 1993 г., после которого была создана политическая система, лишенная механизма ответственности власти перед народом, благодаря чему «ельцинская хунта» смогла беспрепятственно заняться «самообогащением за счет присвоения общенародных богатств»⁴. Представители этого лагеря критикуют поведение федерального центра во время первой чеченской войны; но в отличие от коммунистов – не столько за причиненные ею жертвы, сколько за «попустительство и нерешительность», поощрявшие «создание уголовного заповедника на Северном Кавказе» и за то, что «начавшая приносить победы первая военная кампания» была «преступно» прервана⁵. Наконец, национал-патриоты называют антинациональной внешней политикой Ельцина, полагая, что «раболепное эпигонство начала 90-х гг. привело к катастрофическим утратам, несмотря на ядерный потенциал, систему международных договоров и внушительную экономику»⁶.

Национал-патриотический нарратив, как и коммунистический, в качестве виновников «преступлений» 1990-х гг. рассматривает Ельцина и «либералов». Борьба с последними – едва ли не главная цель нападений о недавнем прошлом в их выступлениях 2000–2010-х гг.

Смысл «девяностых» в дискурсах коммунистов и национал-патриотов настолько «самоочевиден», что порой это слово используют как фигуру речи. «По России рыщет призрак 1990-х», – пишет Г. А. Зюганов в статье, посвященной разбору выступлений на гайдаровском форуме, которую начинает с напоминания о текущих «авариях» во внутренней и внешней политике⁷. А. Дугин часто использует «1990-е» как термин, обозначающий «антипатриотическую» политику. Так, указывая на непоследовательность российских властей, не решившихся на повторение «крымского» сценария в Донбассе, он писал: «Новороссия показала русским – мы есть... Видимо, это несколько напугало режим в самой России. Так как иметь дело с проснувшимися русскими явно не стояло в повестке дня... Баланс этой линии пока подводить рано. Но линия противостояния обозначена четко: 1990-е никуда не делись»⁸. И коммунисты, и национал-патриоты используют «девяностые» как безусловно-отрицательное понятие. Как сформулировал это Е. Холмогоров, «в сознании человека моего поколения напротив ячейки “90-е” стоит жирная красная галочка: “Никогда больше!”»⁹. В этом отношении их дискурсы имеют много общего с путинским: глава государства тоже нередко напоминает про опыт «девяностых», чтобы доказать, что обсуждаемая альтернатива неприемлема (Малинова, 2018).

Модусы репрезентации «девяностых» в дискурсах коммунистов и национал-патриотов

Однако с точки зрения логической структуры политических аргументов, использующих память о «девяностых», между этими дискурсами имеются существенные различия. Прошлое может служить для легитимации / делегитимации режима или оправдания / критики политического курса в модусах преемственности или контраста с настоящим (ср. Holmes, 2010: 109); при этом и прошлое, и настоящее могут оцениваться положительно или отрицательно.

В дискурсах коммунистов и национал-патриотов негативные оценки «девяностых», безусловно, преобладали. В выступлениях Путина их тоже заметно больше, чем позитивных. Хотя там, где это требовалось по контексту, он подчеркивал успехи в освоении «пространства демократии и рыночных отношений», говорил о «выборе в пользу свободы», рассуждал о преимуществах идеологического многообразия, хвалил миролюбивую внешнюю политику, позволившую наладить отношения с западными партнерами и т. п. (Малинова, 2018). Что более существенно, Путин апеллировал к опыту 1990-х гг. преимущественно в модусе противопоставления настоящему, подчеркивая тем самым дос-

¹ Рогозин, Д. (2005) 'Экономическая война: Тезисы к экономической программе Партии "Родина"', *Завтра*, 1 июня, 22, с. 3.

² Глазьев, С. (2007) 'Кто губит Россию', *Молодая гвардия*, 5, с. 117.

³ Рогозин, Д. (2005); Делягин (2005); Дугин (2005).

⁴ Глазьев, С. (2007), с. 115–116.

⁵ Нарочницкая, Н. А. (2004) 'Дубровка и Беслан: Кара за равнодушие', *Комсомольская правда*, 5 окт., 187, с. 8.

⁶ Нарочницкая, Н. А. (2007) 'Повестка дня для России', *Наш современник*, 11, с. 239.

⁷ Зюганов, Г. А. (2019) 'Либерализм смертоносен для России', *Правда*, 22 янв., 6, с. 1.

⁸ Дугин, А. (2015) 'Новороссия для России', *Молодая гвардия*, 9, с. 245.

⁹ Холмогоров, Е. (2017) 'Бывали хуже времена', *Культура*, 9 июня, 20, с. 7.

тоинства собственной политики. В дискурсах же коммунистов и национал-патриотов память об этом периоде чаще репрезентируется в модусе преемственности: негативные характеристики прошлого распространяются и на настоящее.

Это особенно характерно для дискурса коммунистов в 2000-х гг.: свою оппозиционную платформу они строили, исходя из того, что «главная задача Путина, конечно же, заключалась в сохранении политического, социального и экономического курса ельцинских “реформаторов”»¹. Схожие претензии предъявляли и лидеры «Родины»². Такая стратегия вполне логична для оппозиционных партий, которым требуется выстраивать собственную политическую идентичность, подчеркивая отличие от действующей власти.

Коммунисты и национал-популисты открыто оспаривали оппозицию «девяностых» и «нулевых», конструируемую в официальном дискурсе. Как писал Зюганов, «у кремлевских политологов с некоторых пор вошло в обычай противопоставлять “лихим 90-м” двухтысячные годы, которые они, связывая с именем Путина, пытаются представить как период расцвета и едва ли не всеобщего благоденствия. Однако они лукавят: причин для гордости у российских правителей не прибавилось»³. В том же духе высказывался и Жириновский: «Нам постоянно врут. Говорят, что все хорошо, что у нас стабильность, что скоро будет еще лучше... Но это ведь не так!»⁴. Он тоже говорил о преемственности политических эпох, ссылаясь на то, что у власти все те же люди («все они были членами КПСС»)⁵.

Внешняя политика Путина, особенно после «мюнхенской речи», служила основанием для противопоставления «девяностых» «нулевым» с положительным знаком. Это особенно характерно для национал-патриотов. Однако и здесь использовались конструкции с «но». По словам Нарочницкой, «высказанное в Мюнхене как бы увенчало период восстановления чести и достоинства России, который связан в общественном сознании с президентством В. В. Путина». Но чтобы его закрепить, нужен поворот к «внутреннему социально-экономическому заданию», ибо «жгучая потребность “отмщения” за унижение со стороны чужих уже больше не может заслонять унижение от собственного государства»⁶.

КПРФ также признавала за путинской внешней политикой некоторые достоинства, особенно после присоединения Крыма к России в 2014 г., но тоже с оговорками. Отмечая в программной статье, подготовленной к избирательной кампании 2017 г., что в области внешней политики «Россия демонстрирует... гораздо более принципиальную и независимую позицию, чем в разрушительные 90-е», Зюганов подчеркивал: «Но беда в том, что наша страна при этом остается такой же экономически зависимой, как и в лихие 90-е, что создает угрозу ее национальной безопасности»⁷.

Многие лидеры национал-патриотического фланга, положительно оценивая лично Путина, с тревогой отмечали незавершенность начавшегося при его правлении поворота к лучшему. По мысли Дугина, «Путин удержал Россию от падения... Он вышел из ельцинской системы, но начал строить нечто совершенно особое... Но он не изменил политической системы, которая была основана на копировании западных стран, на капитализме, классовой эксплуатации богатыми бедных,... и бесконечно отсталом догоняющем (без надежды догнать) развитии»⁸. Путин – это компромисс «между 90-ми и не-90-ми (то есть “чем-то еще”)». Но этот компромисс действует, пока Путин есть»⁹.

Таким образом, коммунисты и национал-патриоты, на протяжении многих лет конструировавшие образ «лихих девяностых», отказывали в поддержке идее «стабильных нулевых». Они прямо отвергали эту идею в части внутренней политики, а признавая позитивный контраст с «девяностыми» в части внешней политики, делали это с оговорками.

Любопытно, что хотя образ первого постсоветского десятилетия в рассматриваемых дискурсах – однозначно негативный, его позитивные оценки все же встречаются в отдельных текстах. Они связаны с конструированием идентичностей самих коммунистов и национал-патриотов и представляемых ими групп. Так, коммунисты с гордостью вспоминают, как им удалось превратить некогда правящую партию во флага оппозиции, единственную политическую силу, способную «возглавить народное сопротивление наступлению капитализма». При этом «положительным моментом»

¹ Зюганов, Г. А. (2011б).

² Рогозин, Д. (2005), Глазьев, С. (2005).

³ Зюганов, Г. А. (2011б).

⁴ Жириновский, В. В. (2012).

⁵ Жириновский, В. В. (2018).

⁶ Нарочницкая, Н. А. (2007).

⁷ Зюганов, Г. А. (2017а).

⁸ Дугин, А. (2010) ‘Впереди большие перемены’, Литературная газета, 27 октября, № 42, с. 3.

⁹ Дугин, А. (2019).

«осуществленной ельцинским режимом экспроприации КПРФ» называют «очищение коммунистических рядов»¹. А русский националист Е. Холмогоров утверждает, что «будет время, когда именно нашу эпоху назовут “золотым веком” русской мысли – прежде всего мысли социальной, обращенной на общество. Мы выработали противоядия против многих застарелых наших ментальных болезней и вырабатываем новые стратегии прорыва в будущее»². Он называет 1990-е гг. «святыми», потому что они позволили «раскрыть лучшие качества русского духа, не сокрушенного даже долгой эпохой безбожия»³.

Эта интерпретация не противоречит образу «лихих девяностых», но развивает его в логике «мифа о поражении», после которого нация возрождается более сильной, вопреки врагам (Моск, 2012). Интересно, что аналогичный риторический ход был использован и в инаугурационной речи В.В. Путина: упомянув об «очень тяжелых испытаниях», которые выпали «на долю нашего Отечества и наших людей» в 1990-е и в начале 2000-х гг., он напомнил, что Россия «не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний и всегда возрождалась, как птица феникс, достигала таких высот, которые другим были не под силу»⁴. По мере того, как «девяностые» становятся более отдаленным прошлым, ассоциация с «птицей фениксом» может стать устойчивым модусом политического использования памяти об этом периоде.

Заключение

Память о распаде СССР и начальном этапе постсоветских реформ играет заметную роль в дискурсах политических сил, выступавших противниками Б. Н. Ельцина и «демократов» / «либералов». Все они поддерживают негативный образ «лихих девяностых», подкрепляя его примерно одинаковым перечнем «преступлений» ельцинского режима – экономические реформы, приведшие к обнищанию населения, развалу экономики и снижению обороноспособности страны, государственный переворот 1993 г., завершившийся формированием политической системы, в которой основные властные полномочия сосредоточены в руках президента, предательство национальных интересов на международных аренах, война в Чечне, дефолт 1998 г. Однако этот период по-разному вписывается в исторические нарративы, которыми коммунисты, национал-популисты и национал-патриоты подкрепляют собственные политические идентичности и притязания на электоральную поддержку. Для коммунистов «девяностые» – это история о трагических последствиях утраченного «золотого века» (советского периода). Для национал-популистов – это фон для конструирования собственной идентичности защитников русского народа, интересами которого систематически пренебрегали и советские, и постсоветские элиты. Для национал-патриотов – это политический вызов, требующий ответа; причем в некоторых версиях этого нарратива присутствует оптимистическая тема пробуждения патриотических сил, позволяющая интерпретировать «девяностые» как момент поражения, за которым должен наступить реванш. Эти нарративы расходятся и в выборе ключевых событий, определяющих сюжетную линию, и в их интерпретации. Различия определяются как особенностями идеологий, сквозь призму которых рассматривается отечественная история, так и политическими биографиями соответствующих групп. Наиболее существенные расхождения касаются интерпретации советского периода. Однако то, что, безусловно, объединяет эти нарративы – это оппозиция политическому «наследию девяностых» и приверженность принципу «Никогда больше!». Имея разные цели, представляя разные группы, по-разному выстраивая свою тактику, нередко конкурируя друг с другом, коммунисты, национал-популисты и национал-патриоты имеют общих политических противников – «либералов», «олигархов» и «Запад».

Играя едва ли не определяющую роль в конструировании образа «лихих девяностых», рассматриваемые дискурсы не поддерживают его оппозицию со «стабильными нулевыми», столь характерную для дискурса В.В. Путина. Хотя национал-патриоты (в меньшей степени – коммунисты) одобряют наступательную внешнюю политику 2000–2010-х гг., противопоставляя ее «девяностым», они делают это с неременной оговоркой. Таким образом, если в путинском дискурсе преобладает репрезентация недавнего прошлого в модусе контраста с настоящим, то в дискурсах коммунистов и национал-патриотов превалирует модус преемственности: негативные характеристики «девяностых» распространяются и на «нулевые». По-видимому, это определяется диспозицией соответствующих

¹ Купцов, В. (2002).

² Холмогоров, Е. (2006б).

³ Холмогоров, Е. (2017).

⁴ Путин, В. В. (2018) 'Владимир Путин вступил в должность Президента России', 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/57416> (дата обращения: 10.01.2020).

политических сил: если Путин изначально выстраивал собственную идентичность, подчеркивая контраст с непопулярным предшественником, то для оппозиционных групп не менее важно сохранять дистанцию по отношению к власти.

Финансовая поддержка

Исследование проводится в рамках проекта «Конструирование смысловых рамок коллективной памяти в политическом дискурсе: “лихие девяностые” vs. “стабильные нулевые”» при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, грант № 17-03-00322.

Библиографический список

- Андреев, А. Л. (1997) Политический спектр России. Структура, идеологии, основные субъекты. Москва: Эдиториал УРСС. [Andreev, A. L. (1997) *The Russian Political Spectrum. Structure, Ideologies, Principal Actors* [Politicheskii spektr Rossii. Struktura, ideologii, osnovnye sub'ekty]. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Бонч-Осмоловская, А. (2018) ‘Имена времени: Эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти’, *Шаги – Steps*, 4 (3–4), сс. 115–146. [Bonch-Osmolovskaya, A. (2018) ‘The Names of Time: Epithets of Decades in the National Corpus of Russian language as Projection of Cultural Memory’ [Imena vremeni: epiteti desiatiletii v Natsional’nom korpuse russkogo iazyka kak proektsiia kul’turnoi pamiatii], *Shagi – Steps*, 4 (3–4), pp. 115–146. (In Russ.)].
- Латов, Ю. В. (2018) ‘Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л. И. Брежнева, Б. Н. Ельцина и В. В. Путина’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 116–133, doi: 10.17976/jpps/2018.05.20. [Latov, Yu. V. (2018) ‘The Paradoxes of Perception of the Times of L. I. Brezhnev, B. N. Yeltsin and V. V. Putin by Contemporary Russians [Paradoksy vospriyatija sovremennymi rossijanami Rossii vremen L. I. Brezhneva, B. N. Yeltsina i V. V. Putina], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 116–133. (In Russ.)].
- Левинсон, А. (2007) ‘1990-е и 1990-й: Социологические материалы’, *Новое литературное обозрение*, 2, сс. 489–503 [Levinson, A. (2007) ‘The 1990s and 1990: A Sociological Stuff [1990-ie i 1990-j: Sotsiologicheskie materialy], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, pp. 489–503. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018) ‘Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых»’, *Политическая наука*, 3, сс. 45–69, doi: 10.31249/poln/2018.03.03 [Malinova, O. Yu (2018) ‘Justification of policy of the 2000s in V. V. Putin’s discourse and constructing the myth about “the hard 1990s” [Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V. V. Putina i formirovanie mifa o “likhikh devyanostykh”], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 45–69. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2019) ‘Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг.’, *Южно-российский журнал социальных наук*, 3, сс. 91–105. DOI: 10.31429/26190567-20-3-91-105. [Malinova, O. Yu (2019). ‘Framing memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse in the 2000s’ [Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamiatii o reformakh 1990-kh godov d liberal’nom diskurse 2000-kh godov], *Yuzhno-Rossiiskiy zhurnal sotsial’nykh nauk*, 3, pp. 91–105. (In Russ.)].
- Титков, А. С. (2006) *Партия номер четыре. «Родина» и окрестности*. Москва: Центр «Панорама». [Titkov, A. (2006) *The Party Number Four: “Rodina” and Its Environment* [Partiya nomer chetyre. “Rodina” i okrestnosti], Moscow: Center “Panorama”. (In Russ.)].
- Холмская, М. Р. (1998) *Коммунисты России: Факты, идеи, тенденции*. Москва: б.и. [Kholmanskaya, M. R. (1998) *The Communists of Russia: Facts, Ideas, Tendencies* [Kommunisty Rossii: Fakty, idei, tendentsii], Moscow: without a publisher. (In Russ.)].
- Alexander, Jeffrey C. et al. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley etc.: University of California Press.

- Edelman, M. (1972) *The Symbolic Uses of Politics*. 5th edn. Urbana: University of Illinois Press.
- Flikke, G. (1999) 'Patriotic Left-Centrism: The Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation', *Europe-Asia Studies*, 51(2), pp. 275–298.
- Halbwachs, M. (1992). *On Collective Memory*. Chicago Il.: University of Chicago Press.
- Holmes, L. (2010) 'Legitimation and Legitimacy in Russia Revisited', in Fortescue, S. (ed.) *Russian Politics from Lenin to Putin: Essays in Honour of T. H. Rigby*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 101–126.
- Irwin-Zarecka, I. (1994) *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick etc.: Transaction Publishers.
- Kalashnikov, A. (2017) 'Strength in diversity: multiple memories of the Soviet past in the Russian Communist Party (CPRF), 1993–2004', *Nationalities Papers*, 45 (3), pp. 370–392, doi.org/10.1080/00905992.2016.1231668.
- Mock, S. (2012) *Symbols of Defeat in the Construction of National Identity*. New York etc.: Cambridge University Press.
- Olick, J. (2007). *The Politics of Regret. On Collective Memory and Historical Responsibility*. L., N. Y.: Routledge.
- Wertsch, J. V. (2002). *Voices of Collective Remembering*. Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам. E-mail: omalinova@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2754-8055. ResearcherID: J-7893-2015. Scopus AuthorID: 22934758000).

Статья принята к печати: 15.04.2020

THE ISSUE OF “THE TURBULENT 1990s” IN DISCOURSES OF RUSSIAN COMMUNISTS AND NATIONAL-PATRIOTS

O. Yu. Malinova

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

Abstract

The article analyzes how the events of the 1990s – the collapse of the USSR and the period of economic and political reforms – are represented in the contemporary discourses of political forces that opposed to Boris Yeltsin and the Democrats/the Liberals – the Communists, the National-Populists and the National-Patriots. The materials for research were publications of the leaders of CPRF, LDPR, and public intellectuals who have a reputation of national-patriots in the central media. The research has revealed that all considered discourses share a negative assessment of the 1990s but use different ways of including this period to their historical narratives. For the Communists, the 1990s is a story about the tragic consequences of the lost “golden age” – the Soviet period. For the National-Populists, it provides a background for constructing their identity as the only defenders of the Russian people, whose interests were neglected by the Soviet, as well as by post-Soviet elites. For the National-Patriots, it is a challenge that needs a response. The image of “the turbulent 1990s” plays an important role in shaping watersheds in Russian politics, as it facilitates constructing common enemies – “the Liberals”, “the oligarchs”, and “the West” – for political groups with rather different programs. The research has also revealed that in spite of the fact that the Communists, the National-Populists and the National-Patriots share negative interpretations of the 1990s, they do not support the idea of strict contrast between “the turbulent 1990s” and “the stable 2000s” that is typical for President's rhetoric.

Keywords: political uses of the past; framing collective memory; political discourse; the hard 1990s; analysis of historical narratives; the Communists; the National-Populists and the National-Patriots.